

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Анархизм и «национальный вопрос» в XIX-XX вв.

Вадим Дамье

Вадим Дамье

Анархизм и «национальный вопрос» в XIX-XX вв.

Скопировано 2018-11-11 с

<http://a-pesni.org/zona/a/nacvopros.htm>;

Национальная идея на европейском пространстве в XX
веке. Сборник статей. Т.2. М.: ИВИ РАН, 2005.

ru.theanarchistlibrary.org

Большинство современных анархистов занимает позиции крайнего и последовательного интернационализма. Либертарики резко критикуют институт национального государства и отрицают наличие национальных интересов. Чаще всего, они негативно относятся и к национально-освободительным движениям, видя в них прежде всего тенденцию к образованию нового государства, то есть еще одного орудия угнетения населения. Характерным для анархистской мысли можно считать следующее положение из Декларации принципов Международной Ассоциации Трудящихся – анархо-синдикалистского Интернационала: «Революционный синдикализм отвергает все искусственно созданные политические и национальные границы и заявляет, что так называемый национализм есть лишь религия современного государства, за которой скрываются материальные интересы имущих классов. Революционный

синдикализм признает только существование региональных и национальных различий, носящих экономический характер, продуктами которых становятся иерархии, привилегии и угнетение любого вида (по мотивам расы, пола, сексуальной ориентации или любых иных мнимых или реальных различий), и требует для каждой группы права на самоопределение в солидарном согласии со всеми другими ассоциациями того же рода»¹.

Однако, если рассматривать анархистский интернационализм исторически, то следует иметь в виду, что он сложился далеко не сразу, и национальные вопросы долго составляли предмет споров среди либертариев. Можно считать установленным, что понятия интернационализма в современном смысле в XIX веке еще не существовало ни в анархистской среде, ни в общественном сознании вообще. Известно, что основоположник анархизма Михаил Бакунин, несмотря на отрицательное отношение к национальному и любому другому государству и к государственному патриотизму, интересовался проблемой национального освобождения славян, хотя и выступал против того, чтобы это освобождение принимало государственный характер. Более того, в своей полемике с Марксом он нередко прибегал к рассуждениям в духе национальной психологии, что отвергалось последующими поколениями анархистов.

Анархисты конца XIX и начала XX веков нередко принимали активное участие в различных национально-освободительных движениях. Так, немалое число итальянских и русских анархистов отправились в 1875–1877 гг. на помощь антиосманскому восстанию в Боснии, несмотря на то, что Бакунин отговаривал их от «тяги на Балканы»,

¹ Que es la A.I.T.? Editado por el Secretariado de la Asociacion Internacional de los Trabajadores. P.31.

вопросе. Прежде всего, это относится к либертариям многих азиатских стран (прежде всего, Кореи, частично, Индии, Китая, Вьетнама и т.д.), евреям-приверженцам «анархо-сионизма» и т.д. Здесь, в азиатской колониальной и полуколониальной зоне вплоть до Второй мировой войны были распространены представления о необходимости соединения анархистского социального идеала с национально-освободительными движениями. Чаще всего речь шла об участии местных либертариюв в общем национально-освободительном движении конкретной страны. В ряде случаев была предпринята даже попытка разработать некий вариант анархистской национальной идеи. Прежде всего, это относится к Корее, где анархисты были одной из сильнейших фракций в национальном антияпонском движении в 1920-х гг. Ведущий теоретик корейского анархизма и видный историк Син Чжехо сформулировал тезис о том, что анархизм, то есть социалистическое общественное устройство, основанное на самоуправляющихся общинах, – это единственно возможный путь достижения политической независимости Кореи⁹. Впрочем, подобные идеи не встретили понимания среди большинства анархистов других стран. Наконец, в Европе после Второй мировой войны одно из либертарных направлений – так называемые «платформисты», сторонники определенного сближения с рядом марксистских тезисов и представлений, прежде всего, по организационному вопросу – выступали с позиций «критической поддержки» национально-освободительных движений в Алжире, во Вьетнаме, в Ирландии и т.д.

⁹ J. Michael Allen. Ambivalent Social Darwinism in Korea // «International Journal of Korean History». 2001. Dec. Vol.2.

подчеркивая, что «применять свои силы революционерам следует у себя на родине»². В 1882 г. Эррико Малатеста и другие итальянские анархисты в Египте участвовали в антиимпериалистическом восстании Араби-паши³. Болгарские анархисты играли видную роль в движении за освобождение Македонии из-под власти Османской империи⁴, кубинские – в борьбе за независимость своей страны от Испании⁵ и т.д.

Мотивы таких действий объяснил ведущий теоретик анархизма того времени Петр Кропоткин. «...Нам предстоит, я думаю, – писал он анархистке Марии Корн, – в каждом национальном движении выдвигать народные вопросы рядом с национальными. Но для этого чураться национальных движений нам не приходится. В двух словах наше отношение такое: „Вы хотите свергнуть иго русских, турок, англичан? Превосходно! Взгляните на дело шире! Ставьте народный вопрос – тогда вы разрешите национальный! Мы тоже ненавидим ваших угнетателей, но мы смотрим глубже и видим угнетенный народ!“ „Не мешать, не сторониться от вас мы будем, а выдвинем народный вопрос. Честные из вас, националистов, будут с нами!“»⁶

Очевидно, что речь здесь не идет о какой-либо «национальной идее», скорее, о тактике участия в массовых общественных движениях в попытке добиться их радикали-

² В.Я. Гросул. Международные связи российской политической эмиграции во второй половине XIX века. М., 2001. С.201.

³ Against War and Terrorism. Chapter Towards a History of Anarchist Anti-Imperialism — <http://www.struggle.ws/issues/war/afghan/pamwt/antiimp.html>; Anarquismo en Egipto — <http://recollectionboocks.com/siml/library/egypt.htm>.

⁴ Г. Хаджиев. Националното освобождение и безвластният федерализъм. София, 1992.

⁵ Frank Fernandez. El anarquismo en Cuba. Madrid, 2000. P.30-46.

⁶ Anarchistes en exil. Correspondance inedite de Pierre Kropotkine a Marie Goldsmith. 1897-1917. Paris, 1995. P.77.

зации и перевода на социально-революционные рельсы. Противоречивость этой позиции сказалась чуть позже, когда в период Первой мировой войны Кропоткин и 15 других известных анархистов различных стран подписали манифест в поддержку Антанты. Большинство либертариев мира (Малатеста, Эмма Гольдман и другие) отреагировали на такое отступничество с негодованием.

Наряду с этим, многие анархисты уже в конце XIX века стали высказывать взгляды абсолютного интернационализма и отрицать возможность особого национального освобождения, признавая лишь освобождение социальное. Так, видный кубинский анархист Энрике Роиг-де-Сан-Мартин писал в 1890 г.: «Да, мы – антипатриоты... Именно потому, что анархист не любит свое отечество, он может ощущать себя и черным, и китайцем, и французом, и любым жителем Земли. Именно жители Земли составляют его семью, и никакие религиозные или иные различия не могут оправдать бойню среди его членов»⁷. Стойкое отвращение к любому национализму, включая национализм угнетенных наций, иногда побуждал анархистов даже не участвовать в выступлениях против шовинистической политики правящих кругов. Так, далеко не все французские либертариисты принимали участие в движении протеста против «дела Дрейфуса», заявляя, что их интересуют лишь социальные проблемы.

Нередко либертариисты противопоставляли национальному принципу, связанному с государством, региональный, основанный на географических или культурных критериях. Так, анархистские и анархо-синдикалистские организации Испании и Латинской Америки часто называли себя не страновыми, а «региональными секциями», а созданная в 1927 г. Иберийская федерация анархистов объеди-

⁷ Цит. по: «Communisme». No.37. Decembre 1992.

влялись независимо от национальных границ и рамок, но предполагали взаимное влияние и взаимообогащение. Принципиальным моментом его взглядов является отрицание как иллюзии самого понятия «национальная культура» в смысле некоего замкнутого целого, независимого от других культур. Культура в основе своей интернациональна и универсальна, поскольку всегда нуждается в обмене идеями и во взаимовлиянии с чем-то новым, доселе неизвестным. Роккер утверждал даже, что культурный, этнический и т.п. синтез играет в высшей степени положительную и животворящую роль. Главное, чтобы он был добровольным и естественным, а не осуществлялся принудительно сверху, на основе унификации⁸.

Именно положения и идеи, сформулированные Роккером, лежат в основе представлений большинства современных анархистов по национальному вопросу. Их отзвуки можно обнаружить не только в уже цитировавшейся Декларации принципов МАТ, которая была в значительной мере написана тем же самым Роккером, но и в более поздних по времени документах либертарного движения, вплоть до соответствующих резолюций о национализме и национально-освободительных движениях, которые принимались уже после Второй мировой войны МАТ и Интернационалом анархистских федераций. С одной стороны, в них говорилось о праве каждой группы людей автономно устраивать свою жизнь в духе принципа автономии и федерализма, с другой – категорически отвергалась идея национальных государств и борьба за их образование или сохранение.

Картина не будет полной, если хотя бы несколькими словами не упомянуть меньшинство анархистов, которое занимало иную позицию в национальном

⁸ Rudolf Roker. Nationalismus und Kultur. Bd.1,2. Bremen, o.J.

редь, приступает к репрессиям, подавлению личности и инакомыслия.

Альтернативу национальной идее Роккер видел в интернационализме, местной общности и культуре. Прежде всего, он противопоставлял нации и национальному государству естественно сложившееся на протяжении столетий ощущение местной социальной общности и взаимосвязи. Такие «малые родины», по его представлению, развились из «общности материальных и духовных обстоятельств, нравов, обычаев и традиций». Они основаны исключительно на местных масштабах, которые можно, что называется, окинуть взором. Роккер утверждал, что такие местные чувства никак не связаны с национализмом или патриотизмом, поскольку не имеют отношения к воле к власти и не требуют господства или преобладания над другими, соседними регионами. Интернационализм для него не предполагал стирание местных особенностей, напротив – их освобождение из-под длани национального государства.

Вопреки тезису, который высказывался националистическими теоретиками о том, что национальная идея и национальное единство благотворно сказываются на культурном развитии, Роккер доказывал, что в истории чаще всего имело место обратное: наиболее благоприятные условия для культурного развития существовали не в крупных национальных государствах или в империях, но в условиях политической раздробленности. В качестве классического примера он приводил культуру Древней Греции, основанной на небольших полисах. Напротив, национальная идея и национальная унификация всегда сказывались отрицательно на культурных поисках и творчестве. Детально исследуя различные аспекты культуры, такие как язык, искусство, наука, духовные и социальные связи, Роккер демонстрирует, что они во все исторические эпохи раз-

вила сторонников безвластия из Испании и Португалии. По языковому принципу построена франкоязычная Анархистская федерация и т.д.

Первая мировая война усилила антинационалистические настроения среди большинства анархистов. К межвоенному периоду относятся попытки сторонников безвластия обосновать и развить свою альтернативу «национальной идее». Наиболее фундаментальной из них следует считать работы виднейшего немецкого теоретика анархосиндикализма Рудольфа Роккера. Написанные им в это время статьи составили основу выпущенной им позднее книги «Национализм и культура». Переведенная на большинство европейских языков, а также японский, она получила одобрительные отзывы таких выдающихся умов, как Альберт Эйнштейн, Бертран Расселл, Льюис Мэмфорд и Томас Манн.

Согласно анализу Роккера, основанному на приводимом им богатом фактическом материале, национальное сознание – продукт сравнительно недавнего времени. В Средние века, утверждал автор, его не было, поскольку человек был тесно связан со своим непосредственным социальным окружением, с одной стороны, и с универсальной христианской цивилизацией, с другой. Лишь экономические и политические изменения на исходе Средневековья привели к жесткому разграничению себя и других, к росту эгоистического индивидуализма и ослаблению чувства солидарности. На место прежних коллективных, общинных структур пришли национальные. Созданные абсолютизмом с помощью оружия национальные государства произвольно собрали под свою эгиду разнородные в культурном, этническом и языковом отношении территории и объявили их население своими подданными. Он категорически отрицал, что нация – это естественное образование, сложившееся в ходе развития общества «снизу». Не на-

ция создает государство, а государство создает нации и по своему произволу кроит границы между ними, утверждал Роккер. «Нация – это всегда искусственный результат властно-политических устремлений...», а национальное чувство – чисто психологический феномен.

В то же время, идея нации несла в себе первоначально определенное антиабсолютистское зерно. Так, во Франции XVIII века существование нации связывалось с ее суверенностью, якобы узурпированной монархией. В этом контексте понятие нации противопоставлялось понятию «подданные». Нация означала как бы подданных, вернувших себе суверенитет. Но после свержения абсолютизма и обретения национального суверенитета ситуация изменилась. Начиная с Французской революции нация стала носителем и воплощением общей воли, ее волеизъявление уподоблялось божественному откровению. Почитание собственной нации как «великой» логическим образом превратилось в отторжение других и презрение к ним. Роккер говорил о нации как о тиранической абсолютной идее: «Нация – все, человек – ничто». То, что на практике первые сделали во Франции, философски и теоретически осмыслили и сформулировали в Германии. Немецкая классическая философия провозгласила историческую необходимость и всемирную миссию так называемого «народного» или «национального духа». Нация стала религией современного государства. За провозглашением единого национального государства всегда следовала унификация разнородных составляющих групп, зачастую насильственная.

За речам о единстве национальных интересов, доказывал немецкий анархист, лишь скрываются лишь властно-политические и экономические интересы привилегированных меньшинств. Они призваны скрыть реальные социальные противоречия внутри каждой такой нации, которые гораздо больше, чем все предполагаемые националь-

ные различия. Роккер показывал также, что нет никакой единой национальной культуры, что в реальности существовали многочисленные территориальные культурные и языковые группы, стерты могучей рукой внедряющего единообразия национального государства. Так называемый «культурный» национализм анархо-синдикалистский теоретик называет «фиговым листком», надеваемым в эпоху чужеземного господства, когда не удастся реализовать собственные властно-политические планы. Воспоминание о некоем «культурном величии» прошлого используется для обоснования претензий на национальную власть в собственном государстве.

Фашизм Роккер рассматривал как доведение национальной идеи до ее логического и неприкрытого завершения. «Современный национализм, – писал он, – есть голая жажда государства любой ценой, полное растворение человека в высших интересах власти». И продолжал: «...Под подолом нации можно скрыть все; национальное знамя покрывает любую несправедливость, любую бесчеловечность, любую ложь, любое позорное деяние, любое преступление. Коллективная ответственность нации удушает чувство справедливости отдельного индивида...».

Соответственно, Роккер предостерегал о пагубности национально-освободительных движений, которые способны лишь на то, чтобы повторить весь цикл унификации сначала, но на ином уровне. «...Народы, которые во имя национального освобождения сбросили с себя ненавистное чужеземное иго... ничего от этого не выиграли», – писал он, – ведь «за любым национальным стоит воля к власти небольших меньшинств и особый интерес привилегированных каст и классов в государстве». Социально-экономические и политические иерархии воспроизводятся в новом государстве, и то, в свою оче-